

НОВЫЕ КНИГИ

Д. Е. Шестаков

Держать рынок в кулаке

Рецензия на книги:

«Невидимая рука» рынка. 2008. Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена; науч. ред. д-р экон. наук, проф. Н. А. Макашева. М.: ИД ГУ ВШЭ.

Лал Д. 2009. *Возвращение «невидимой руки»: Актуальность классического либерализма в XXI веке.* М.: Новое издательство.

ШЕСТАКОВ Даниил Евгеньевич — студент магистратуры факультета экономики, стажёр-исследователь ЛИА ГУ ВШЭ (Москва, Россия).

Email: dschestakov@gmail.com

Недавно практически одновременно вышли две книги, в названии которых использовано словосочетание «невидимая рука»: в издательстве ГУ ВШЭ была переведена книга ««Невидимая рука» рынка», представляющая собой тематическую подборку статей из четырёхтомного «The New Palgrave Dictionary of Economics», а немного позже известными переводами полемических книг по либеральной теории «Новое издательство» выпустило «Возвращение «невидимой руки»» Дипака Лала, уже знакомого русскому читателю по книге «Непреднамеренные последствия».

В науках об обществе сложно найти более влиятельную метафору, чем этот известный термин Адама Смита. Но именно популярность сыграла с афоризмом злую шутку: нередко под «невидимой рукой» подразумевают совершенно разные вещи. Можно говорить о «невидимой руке» как о двойнике «дилеммы заключённого» и затем определять расположение конкретного института между этими двумя полюсами общественных отношений; можно искать и находить новые свидетельства того, как «невидимая рука» постоянно действует в нашем обществе, и критиковать на этом основании государственное вмешательство в экономику.

Рецензия будет построена следующим образом: сначала мы рассмотрим каждую из книг и попытаемся найти и в той и в другой свой «рассказ» о «невидимой руке», а затем подробно разберём все смыслы метафоры таким образом, чтобы в дальнейшем можно было избежать путаницы, почти всегда сопровождающей появление фразы «невидимая рука» в литературе общественных наук.

Откуда растёт «невидимая рука»?

«The New Palgrave» на самом деле представляет собой большой экономический словарь. Идея редакторов переведённого ГУ ВШЭ сборника заключалась в том, чтобы сделать более доступными, в том числе для студенческой аудитории, материалы словаря: «Эконометрика», например, включала бы в себя статьи, покрывающие основной курс по этому предмету; «Невидимая

рука» — по истории экономических учений, и т. д. Предшественником «The New Palgrave» считается «Словарь политической экономии» под редакцией Р. Г. Инглиса, вышедший в конце XIX в. Его переработанное издание под редакцией Г. Хиггса появилось во второй половине 1920-х годов. Статьи в ««Невидимой руке» рынка» взяты из издания 1987 г., что для истории учений является вполне допустимым («История экономического анализа» Йозефа Шумпетера, увидевшая свет в середине XX в., и сегодня представляет огромный интерес), но было бы неприемлемо, скажем, для математической экономики. Наконец, необходимо заметить, что в 2008 г. вышло второе издание «The New Palgrave», насчитывающее 1872 статьи и состоящее из восьми томов, а авторский коллектив словаря пополнился ещё большим количеством нобелевских лауреатов. Надеемся, и это издание дойдёт до русского читателя.

Как следует из названия, включённые в сборник статьи так или иначе связаны с темой «невидимая рука». Представленные статьи можно разделить на несколько классов. Во-первых, это биографические очерки деятелей шотландского Просвещения, их предшественников и последователей («Адам Смит», «Адам Фергюсон», «Джон Миллар», «Томас Гоббс», «Джон Локк», «Иеремия Бентам»). Во-вторых, статьи по истории доктрин и интеллектуальных традиций («Анархизм», «Либерализм», «Утилитаризм», «Шотландское Просвещение»). В-третьих, статьи, посвящённые современным областям экономической науки, которые отчасти связаны с этими традициями («Конституциональная экономическая теория», «Право и экономическая теория»). Наиболее интересны, на наш взгляд, толкования экономических понятий («Экономическая свобода», «Экономические законы», «Интересы», «Права собственности», «Утопии»). Важнейшим требованием, которое предъявлялось к авторам статей, было рассмотрение любого понятия в его *историческом* ракурсе: как обсуждение понятия проходило в прошлом и каковы его перспективы в будущем. И авторы блестяще справились со своей задачей. Отдельно следует сказать об авторах словаря: в подготовке статей участвовали такие «звёзды» социальных наук, как Армен Алчиан (Armen Alchian), Джеймс Бьюкенен (James Buchanan), Ральф Дарендорф (Ralf Dahrendorf), Израэль Кирцнер (Israel Kirzner), Мансур Олсон (Mancur Olson, Jr.), Дэвид Фридмен (David Friedman), Альберт Хиршман (Albert Hirschman).

Нельзя сказать, что Адам Смит изобрёл «невидимую руку». В связи с этим следует назвать как минимум ещё три важных имени. Прежде всего немецкий юрист Самюэль фон Пуфендорф (Samuel von Pufendorf) предположил, что человек от природы склонен к общению, которое помогает при помощи взаимной поддержки лучше удовлетворить собственные интересы (Джон Локк (John Locke) дополнит этот тезис положением о важной роли частной собственности). Работа Пуфендорфа лежала в русле социальной науки XVII в., которая по принципу *науки о разуме* (математики) пыталась создать *науку о страстях*. Затем современник Пуфендорфа, Гуго Гроций (Hugo Grotius), утверждал, что естественные законы сами по себе могут объединить человечество, даже если допустить отсутствие Бога [Смит 2008]. Наконец, Бернард Мандевилль (Bernard Mandeville) в сатире «The Fable of the Bees» («Басня о пчёлах») утверждал, что частные пороки являются добродетелями для общества.

Что добавил к этим идеям Адам Смит? Во-первых, из склонности человека к обмену он сделал вывод о нарастающей специализации (знаменитый пример с булавочной мастерской), предел которой кладёт объём рынка. Во-вторых, он создал некую историческую теорию, заслуживающую того, чтобы остановиться на ней подробнее.

На первом этапе своего развития общество состояло из охотников и собирателей. Оно характеризовалось отсутствием капитала, так что товары обменивались пропорционально затраченному на их производство труду: «Так, например, если у охотничьего народа обычно приходится затратить вдвое больше труда для того, чтобы убить бобра, чем на то, чтобы убить оленя, один бобр будет, естественно, обмениваться на двух оленей или будет иметь стоимость двух оленей» [Смит 2007: 103]. Отметим, что на

этом этапе, во-первых, уже существует относительно развитый локальный рынок¹; во-вторых, отсутствуют какое-либо принуждение и вообще власть.

На второй стадии общество становится обществом скотоводов. В нём появляется капитал, а вместе с ним — власть, которая может трактоваться «как объединение богатых для притеснения бедных». Неравенство, власть и подчинение достигают своего предела.

На более развитом этапе второй стадии место множества местных царьков занимает локальный суверен-землевладелец. Кроме того, возникают города, которые получают значительную автономию и вступают в союз с монархом. При этом экономика, основанная на мануфактуре и торговле, предоставляет землевладельцам возможность истратить имеющиеся излишки, что меняет институциональную организацию аграрного сектора, рабский труд в котором заменяется свободным трудом фермеров. Подобный процесс содержит пример действия «невидимой руки» — непреднамеренных последствий совокупности индивидуальных усилий, породивших общественное явление. Наилучшим образом направляющая общество «невидимая рука» стала важным объясняющим механизмом в теории Адама Смита и, кроме того, имела значение для проводимой правительством политики.

То, как идеи шотландского Просвещения повлияли на общество, лучше всего видно при рассмотрении таких двух составляющих общества, как эгоистический интерес и «правила игры», по которым взаимодействуют индивиды.

Под интересом мы будем понимать поведение, движимое эгоизмом и рациональным расчётом. Как отмечает А. Хиршман в статье «Интересы», в Средние века интерес «подвергался нападкам как мотив, ведущий к деградации человеческого духа и разрушению основ общества». В XVI–XVIII вв. содержание понятия «интерес» меняется, и происходит это в три этапа. Во-первых, слово «интерес» (процент) применяли в качестве эвфемизма для ростовщичества, которое даже со множеством оговорок Фомы Аквинского противоречило общественному закону. Кроме того, его использовал Макиавелли при характеристике некоторых политических действий, а именно «тех аспектов политики, которые расходились с общепринятой моралью». Однако термин ещё не имел того всеобъемлющего значения, какое он приобрёл теперь. Дэвид Юм (David Hume) в политическом эссе «О независимости парламента» приравнивал интерес к плутовству и жадности. Ключевую роль в легитимации интереса сыграл Смит. В знаменитом отрывке «Богатства народов» он пишет: «Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к гуманности, а к их эгоизму, и никогда не говорим им о наших нуждах, а лишь об их выгодах» [Смит 2007: 77]. Здесь интерес понимается уже в современном смысле.

Говоря о «правилах игры», необходимо упомянуть об изменениях в законодательстве. П. Атия (P. S. Atiyah) в статье «Общее право» отмечает уменьшение числа регулирующих норм и снижение патерналистской направленности законодательства в последней четверти XVIII — середине XIX вв. Всё большее значение приобретает принцип субъективной цены (например, основанием для оценки гарантии могло стать субъективное мнение истца), а случаи невыполнения контрактов практически сводятся на нет.

К середине XIX в. идеи свободной торговли, саморегулирующихся рынков и золотого стандарта уже прочно доминировали в общественном сознании как в Британии, так и на континенте. Всё большее влияние приобретают два мощных движения: классический либерализм, или минархизм, и анархизм. Представители обоих движений были убеждены, что законы, по которым живёт общество, должны

¹ Отметим, что такому рынку ещё очень сложно стать национальным. Локальные охотничьи умения, различные в каждом племени, затрудняют обмен по трудовым стоимостям. Создание общей меры, как и вообще рыночной инфраструктуры, исторически и в теории Адама Смита являлось функцией государства.

проистекать из практик самого общества, а не из желаний власти. Генри Чарлз Кэри (Henry Charles Carey) и Фредерик Бастиа (Frederic Bastiat) выдвигают идею экономической гармонии и утверждают, что «не существует конфликта между интересами покупателей и продавцов, интересами производителей и потребителей» [Мизес 2000: 632]. Некоторые теоретики (в том числе анархисты), впрочем, ещё отстаивали важность альтруизма. Милль (John Stuart Mill), комментируя Гоббса (Thomas Hobbes), замечает, что основу альтруизма составляет привычка следовать определённым правилам, связывающим счастье отдельного человека со счастьем других людей. Но именно на это звено аргументации и направлены возражения сторонников принципа *laissez-faire*: если в обществе действует механизм «невидимой руки», то лучшим способом осчастливить своего ближнего оказывается следование своим интересам. У самого Адама Смита общественные взаимодействия понимаются и как встроенные в конкретные институты игры с ненулевой суммой², но уже у более поздних авторов происходит сдвиг в сторону саморегулирующихся рынков, которые автоматически управляют обществом. Никакая власть не может сделать того, на что способен голод. Как утверждал Таунсенд (Joseph Townsend), апеллировать к судье с целью установить дисциплину означало бы «обращаться к более слабой власти, имея возможность воззвать к более сильной» [Поланья 2002: 131]. Так, «невидимая рука» приводит к экономической политике голода и работных домов, но идеологически остаётся безупречной.

Выросшая из «арифметики страстей» идея изменила наше понимание собственного интереса, функционирования общества и необходимого законодательства. В какой степени это изменение соответствовало взглядам Адама Смита — другой вопрос³.

Ручное управление

Имя профессора Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе Дипака Лала (Deepak Lal) стало широко известно, когда два года назад в русском переводе вышла книга «Unintended Consequences» («Непреднамеренные последствия»). Впрочем, исследователям экономики развития имя этого учёного было известно и раньше. Лал одним из немногих выступил в начале 1980-х годов с критикой существующих теорий экономического развития и роста. Прежние теории можно разделить на два типа: ориентированные на накопление капитала и привлечение инвестиций при активной роли государства (Уильям Истерли (William Easterly) называет их капитальным фундаментализмом) и сосредоточенные на поиске инноваций в экономике как единственном источнике экономического роста (основоположником этого направления стал Роберт Солоу (Robert Solow)). Новый подход к экономике развития концентрировался на более сложных закономерностях. Например, если в стране мало квалифицированных специалистов, то они будут оттуда уезжать, потому что им хочется работать в хороших условиях и находиться внутри профессионального сообщества. Так возникают «ловушки бедности».

В новой книге Лал последовательно доказывает актуальность идей классического либерализма в современном обществе. Он прослеживает историю возникновения либерального экономического миропорядка, описывает восход государства всеобщего благосостояния в США в конце XIX в. (ставшего результатом моральной критики капитализма и недоверия к монополиям, которое отцы-основатели США унаследовали от Смита), ограничения свободной торговли (возможность предоставлять квоты создаёт ренту для чиновников). От исторических проблем Лал приходит к актуальным сегодня вопро-

² Дирдра Макклоски (Deirdre McCloskey), изучавшая генезис так называемых буржуазных добродетелей, считает это точкой зрения с позиций «С» — солидарности, стыда, Сакрального, в то время как современная экономика чрезмерно сконцентрирована на «П» — прибыли, правилах, то есть на Профанном [Hejeebu, McCloskey 1999].

³ В отношении экономической теории нередко говорят о «рикардианском грехе», так как Рикардо, в противоположность историческому, многостороннему и ориентированному на сравнительный анализ институтов подходу Смита, предложил строгую дедуктивную теорию с очень высоким уровнем абстракции.

сам. И здесь, утверждает автор, действия «невидимой руки» не замечаются и недооцениваются. В поддержку своего мнения Лал приводит немало эмпирических данных.

Например, проблема бедности преувеличивается из-за ошибок статистики (на самом деле за последние 20 лет XX в. количество людей в мире, чей доход составляет меньше одного доллара в день, сократилось почти на треть). Такое «умножение бедных» выгодно организациям, которые получают фонды на борьбу с бедностью.

Лал является сторонником принципов классического либерализма. Но, как мы уже видели ранее, классический либерализм вовсе не предполагает политической демократии. На первый взгляд это может показаться удивительным. Существует популярная точка зрения на этот вопрос, состоящая в том, что, поскольку между конкурентным рынком, с одной стороны, и политическим плюрализмом и демократическим принципом — с другой, существует очевидная симметрия, то первое является неперенным условием второго. В ряде работ были подробно рассмотрены недостатки этой идеи: от губительной для общества борьбы групп влияния, когда их интерес не является всеобъемлющим [Олсон 1995], до ограниченных когнитивных способностей и заполненного экономическими мифами сознания большинства избирателей [Carlan 2007]. Лал придерживается той же антидемократической точки зрения: «Политическая свобода самоценна, но она не обязательно способствует процветанию. <...> Для развития важна не политическая, а экономическая свобода» [Лал 2007: 388].

Необходимо остановиться на очень важном для Лала различии. Вслед за Майклом Оукшотом (Michael Oakeshott) Лал выделяет два подхода к пониманию государства, которое является «гражданской ассоциацией или ассоциацией по типу *предприятия*» [Лал 2007: 66]. Источником наших проблем является убеждение в том, что менеджеры общества (чиновники) пытаются управлять страной как единой фабрикой, причём закон в их руках принимает форму инструмента. «Невидимая рука» заменяется ручным управлением экономикой, которое — с усилением международных организаций — принимает всемирный масштаб. Вся экономическая история в изложении Лала представляет собой борьбу свободного рынка против преследующих свои частные интересы групп давления (профсоюзов, политических партий) и стоящих над ними социальных инженеров. Собственный интерес Лал расщепляет на две составляющие: *материальные* и *космологические* представления, причём действия агентов направляются их сложным соединением, так что никогда нельзя быть уверенным, связаны ли действия социальных инженеров с моральным возмущением или продиктованы соображениями собственной выгоды. Понятна и позитивная программа Лала: как можно меньше каналов для изменения законов большинством при максимуме экономических свобод и низовой альтернативы — возвращение в «золотое» XIX столетие. И не стоит опасаться тех социальных последствий, которыми было вызвано рождение социализма: оно было связано с таким изменением в структуре капитала, которое отложило во времени рост жизненного уровня рабочих. Однако рост *общего жизненного уровня* не позволит такому отставанию привести общество к власти голода.

«Невидимые руки»

Можно выделить по меньшей мере три различных значения, которые принимает словосочетание «невидимая рука»: о ней можно говорить в *методологическом* смысле; как об *идеологическом* аргументе и как способе *установления общественного порядка*.

При анализе общества методологи предпочитают говорить не о «невидимой руке», а о «непреднамеренных последствиях». Н. Эмрах Айдынонат (N. Emrah Aydinonat) предлагает три признака непреднамеренных последствий в общественных науках: «1) создание общественного феномена не входило в намерения индивидов; 2) последствия их действий выразились в виде общественного феномена; и 3) в

одинокую индивид не смог бы создать общественный феномен — необходимы независимые действия таких же агентов» [Aydinonat 2008: 3].

Я пытался заштопать свою одежду и случайно укололся иголкой — это непреднамеренные последствия? Нет, потому что результатом моих действий не стал общественный феномен. Правительство вводит новую налоговую схему, которая приводит к неожиданным результатам — это тоже не непреднамеренные последствия, так как целью правительства было создание общественного феномена. Несложно увидеть, что непреднамеренные последствия действий в общем случае не обязательно являются благотворными — важным примером для этого является «дилемма заключённого».

«Невидимая рука» как *идеологический приём* утверждает, что последствия её действия будут в общем благотворными. Почему? Во-первых, действия правительства не учитывают «рассеянную информацию»: конкретные навыки людей, ситуацию на местах. Обычно этот аргумент ассоциируют с именем Хайека (Friedrich August von Hayek), но существует и современная литература о губительном влиянии действий государства на микроуровне [Панях 2008]. Во-вторых, важным этическим аргументом является то, что источником решений по большинству вопросов в обществе должны быть его члены, а не государство⁴. То есть даже если государство руководствуется самыми благими намерениями, оно фундаментально ограничено в своих действиях и неэффективно. Но политики — такие же люди, как и все, и нет причин полагать, что в принятии решений общественной значимости они будут руководствоваться благом общества, а не собственной выгодой.

Существует третий подход к пониманию термина «невидимая рука». Мысль о том, что «невидимая рука» является больше, чем метафорой, ассоциируется с работами французского историка политики Пьера Розанваллона (Pierre Rosanvallon). Для него теория Смита прежде всего направлена против теоретиков общественного договора XVIII в., таких как Руссо или Локк. Целью Смита было представить общество, в котором устранено политическое измерение [Розанваллон 2007]. Но если не общественный договор и Бог, то что станет *основанием общества*? Для Смита ответ заключался в механизме «невидимой руки» и собственном интересе, но также и в солидарном отношении к остальным, в добродетелях, главной из которых учёный считал рассудительность. Смит создал своеобразный этический кодекс для среднего класса [Hejeebu, McCloskey 1999].

Во взаимодействии интересов и «правил игры» мы видим историю возможных организующих принципов для нашего общества:

- стремление к выживанию в «войне всех против всех» и суверена (Гоббс);
- стремление защитить свою собственность и добровольный общественный договор (Локк);
- широко понимаемый собственный интерес и «невидимая рука» (Смит);
- негативно понимаемый собственный интерес, желание избежать голодной смерти и автоматическое дисциплинарное управление при помощи саморегулирующегося рынка (Таунсенд, Мальтус);
- классовое сознание и классовая борьба (Маркс).

---

⁴ В недавней работе [Thaler, Sunstein 2008] и эта идея была поставлена под сомнение: в ряде ситуаций, как утверждают авторы, государство лучше знает, чего хотят индивиды, поскольку последние являются «предсказуемо иррациональными». Предлагаются минимальные действия (например, изменение опции по умолчанию при принятии важных решений) для того, чтобы «подтолкнуть» индивида к нужному решению.

Наконец, в современной французской социальной философии получила распространение идея Жан-Люка Нанси (Jean-Luc Nancy) о том, что мы больше не можем исходить из чего-то *данного*, конституирующего наше совместное бытие. Сообщество оказывается как бы «подвешенным в воздухе» [Нанси 2009].

Современная экономическая теория возвращает себе политическое измерение, дополняя проект Смита анализом того, как различные институциональные системы влияют на действия агентов. Среди новых дисциплин стоит назвать новую политическую экономию, новую институциональную теорию, новую экономическую историю, экономику права. Прилагательное «новая» здесь следует читать как «хорошо забытая старая», ведь, вопреки анализу Розанваллона, политическое измерение ещё не совсем отсутствовало у Смита. Поэтому сторонники нового подхода нередко руководствуются лозунгом «Назад к Смиту!». Похожее движение есть и со стороны гетеродоксальной экономической науки [Буайе и др. 2008].

Можно привести пример функционирования метафоры «невидимой руки» в новых условиях. При рассмотрении теории стадий Адама Смита⁵ нами уже упоминался эпизод, когда после продолжительного периода нестабильности, связанного с борьбой феодалов-землевладельцев, устанавливается монархия. Одним из возможных способов анализа этого эпизода является подход Мансура Олсона, который называет такого монарха *стационарным бандитом*: захватив власть, суверен вынужден заботиться о благосостоянии своих подданных, поскольку они являются для него источником дохода [Olson 1993]. Олсон называет восхождение абсолютных монархий в Европе «первым благословением “невидимой руки”». Как видно из этой метафоры, «невидимая рука» вписана во властные отношения и рассматривается как механизм координации в самом общем случае.

Понимается ли «невидимая рука» как механизм координации, способ установления общества или идеологический аргумент, это изобретение оказалось плодотворным. Вероятно, можно говорить о своеобразной научной программе: с развитием общества «невидимая рука» будет указывать нам на новые социальные феномены, ждущие своего объяснения.

Литература

- Буайе Р., Бруссо Э., Кайе А., Фавро О. 2008. К созданию институциональной политической экономики. *Экономическая социология*. 9 (3): 17–24.
- Лал Д. 2007. *Непреднамеренные последствия*. М.: АНО «ИРИСЭН».
- Мизес Л. 2000. *Человеческая деятельность: трактат по экономической теории*. М.: Экономика.
- Нанси Ж.-Л. 2009. *Непроизводимое сообщество*. М.: Водолей.
- Олсон М. 1995. *Логика коллективных действий: общественные блага и теория групп*. М.: Фонд экономической инициативы.
- Панеях Э. 2008. *Правила игры для русского предпринимателя*. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Ко-Либри.
- Поланьи К. 2002. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. СПб.: Алетейя.

⁵ Хотя в «Лекциях по юриспруденции» стадии развития общества иллюстрируют политическую историю, а в «Богатстве народов» — генезис цены в свете трудовой теории стоимости, существенная симметрия между этими двумя рассказами позволяет говорить о теории стадий Смита так же, как говорят о теории общественно-экономических формаций Маркса.

- Розанваллон П. 2007. *Утопический капитализм. История идеи рынка*. М.: Новое литературное обозрение.
- Смит А. 2007. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: Эксмо.
- Смит Р. 2008. *История гуманитарных наук*. М.: ИД ГУ ВШЭ.
- Audionat N. E. 2008. *The Invisible Hand in Economics. How Economists Explain Unintended Social Consequences*. N. Y.: Routledge.
- Caplan B. 2007. *The Myth of the Rational Voter: Why Democracies Choose Bad Policies*. Princeton: Princeton University Press.
- Hejeebu S., McCloskey D. 1999. The reproving of Karl Polanyi. *Critical Review*. 13 (3): 285–314.
- Olson M. 1993. Dictatorship, Democracy and Development. *The American Political Science Review*. 87 (3): 567–576.
- Thaler R., Sunstein C. 2008. *Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness*. New Haven: Yale University Press.